

Даниил Соколов

ЧЕРНОВИКИ

**Центральная городская публичная
библиотека им. В. В. Маяковского
Санкт-Петербург
2016**

ББК 84.(2=411.2)6-5
С594

Составители

Игорь Хамитов, куратор проекта

Наталья Каш, куратор проекта, методист культурно-образовательного и проектного отдела Библиотечного информационного и культурного центра по искусству и музыке

Редакторы

М. Ф. Урсова, заведующая Библиотечным информационным и культурным центром по искусству и музыке

М. А. Пассет, заведующая культурно-образовательного и проектного отдела Библиотечного информационного и культурного центра по искусству и музыке

Дизайн и верстка

Василиса Кулик

Соколов, Д.

С594 Черновики : Стихотворения / Даниил Соколов. — Санкт-Петербург : Центральная городская публичная библиотека им. В. В. Маяковского, 2016. — 28 с.
ISBN 978-5-9907503-8-8

В твоих руках, читатель, не просто поэтический сборник. Ты держишь ни много ни мало культурный аналог шестикилограммового золотого кубка Чемпионата мира по футболу! Этот сборник является призовым фондом Чемпионата поэзии имени Владимира Маяковского, проходившего с ноября 2015-го по май 2016 года в Санкт-Петербурге в Центральной городской публичной библиотеке им. В. В. Маяковского. В финал вышли восемь сильнейших поэтов. Сильнейшим из сильнейших, т. е. чемпионом этого сезона, стал Даниил Соколов.

ББК 84.(2=411.2)6-5

Научно-издательский центр ЦГПБ им. В. В. Маяковского
Тел. (812) 385-10-88
E-mail: office@pl.spb.ru

Подписано в печать с готовых диапозитивов 15.08.2016.
Формат 60×90 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура PT Sans. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 1,8. Заказ № 1902. Тираж 100 экземпляров.

ISBN 978-5-9907503-8-8

© Соколов Д., стихи, 2016
© Каш Н. А., вступительная статья, 2016
© ЦГПБ им. В. В. Маяковского, 2016

Дорогой читатель!

Началась эта история три года назад от большой любви к поэзии Владимира Владимировича Маяковского. Летом 2014 года молодой, но уже известный петербургский поэт Джамиль Нилов пришел на Невский, 20 в Центр искусства и музыки ЦГПБ им. В. В. Маяковского с идеей провести поэтические соревнования. Идея была вдохновляющая, обсудили план действий и ринулись воплощать. Так появилось наше детище — Чемпионат поэзии имени Владимира Маяковского.

Поэтому в твоих руках, читатель, не просто поэтический сборник. Ты держишь ни много ни мало культурный аналог шестикилограммового золотого кубка Чемпионата мира по футболу! Этот сборник является призовым фондом Чемпионата поэзии, проходившего с ноября 2015-го по май 2016 года. Как создатели и кураторы Чемпионата поэзии, мы делаем всё, чтобы к проекту подключались новые имена и города. В этом году нам есть чем гордиться: к чемпионату присоединилась Москва! И в этом сезоне вышел сборник двух столиц. Наша мечта и цель — проводить чемпионат, в котором участвуют не меньше десяти городов, а Петербург сделать мировой столицей поэзии!

Во втором сезоне в Санкт-Петербурге осенью-зимой 2015 года было проведено четыре отборочных тура, которые определили 48 участников чемпионата. Участники прошли через четыре четвертьфинала и два полуфинала, т. е. огонь, воду и медные трубы. В финал вышли восемь сильнейших поэтов. Сильнейшим из сильнейших, т. е. чемпионом этого сезона, стал Даниил Соколов.

В июне 2016 года в Санкт-Петербурге состоялся суперфинал, где за суперкубок боролись три финалиста петербургского и три финалиста московского чемпионата. Суперчемпионом стала Александра Шалашова (Москва).

Скорее открывай сборник и наслаждайся молодой современной поэзией, дорогой читатель!

*Наталья Каш,
куратор Чемпионата поэзии
от Центра искусства и музыки
библиотеки им. В. В. Маяковского*

Даниил Соколов — один из самых молодых участников. Смог продемонстрировать не только высокий уровень владения пером — его поэтические перформансы и яркая декламация завораживали зал и еще больше влюбляли в его стихи.

Сидит поэт на восьмом этаже и смотрит с восьмого этажа в окно. Что там? Он вглядывается: за окном огромный незнакомый мир, замышляющий что-то о поэте. За окном стройка будущего дома, смеющаяся своей метафизической бесконечностью, бег тугих смол нарушает тишину, а быки вспалёнными глазами рассматривают истину.

Мир за окном расширяется, детали растворяются и образуют яркий калейдоскоп, и вот уже вся Вселенная простирается перед задумчивым поэтом. Он протягивает руку, трогает Вселенную, но ничего не меняется. Поэт отворачивается от окна и пытается понять. Он, ученик Парменида, знает, что только с помощью мысли он может распознать истину. И он немедля приступает к делу.

Возвращается к окну. Стаскивает занавески. Говорит, что:

...мир тенями болен,
Неверными, и каждая томит,
Уродлива для глаза...

Он должен познать эту Вселенную! Познать и излечить от всех неверных теней, препарировать её материю скальпелем слова. Холодно и пылливо, галактику за галактикой, электрон за электроном, день за днём, поэт переводит увиденное на наш язык. Он выходит в соседнюю комнату, отдаёт нам переводы и возвращается дальше наблюдать. Мы удивляемся стихам поэта, удивляемся Вселенной, увиденной им, но (помните?) мы почему-то иногда сомневаемся, что такое бывает. Поэтому иногда мы пожимаем плечами, но поэта это нисколько не расстраивает, он просто возвращается к своему окну и ещё пылливее вглядывается.

Ему начинает казаться, что часто повторяется одно и то же: стоят два человека. Вокруг них так же движется Вселенная, но стоит приглядеться к ним — и Вселенная лишь отражается в их глазах. Но отражается — то и дело, а иногда не отражается, ведь он смотрит неизвестно куда, а в её

...глазах в немую очередь
Как бабы выстроились слёзы...

Поэта беспокоит, что он не может до конца понять увиденное. Он пишет стихи, несёт их в соседнюю комнату, мы удивляемся, как же замечательно во Вселенной, но иногда пожимаем плечами.

Поэт идёт обратно и продолжает вглядываться. Он изучает чувственность, заставляет стихи повторить все детали познанного мира. Для него нет ничего невозможного, и Вселенная должна покориться его мысли!

И он взрывает стихи, выбрасывает в окно самые громкие и прекрасные слова, требует залатать разорванную душу, умирает от страсти! Он настолько увлекается, что уже боится чего-то прозаического, всё его существование превращается в бесконечную поэму. И в этой поэме есть Вселенная и есть двое. Он думает, что вот то, что он искал, он пишет великолепные стихи, бежит в соседнюю комнату, и мы смеёмся, и плачем, и замираем, и дрожим, но иногда мы пожимаем плечами. Поэт снова уходит, а мы говорим друг другу, что почему же поэт отчуждает себя от его Вселенной, от лирического героя, от собственных слов. Кто-то из нас даже порывается встать и пойти в соседнюю комнату и сказать поэту, но другие его останавливают.

Поэт же считает, что ему дан недостаточно острый инструмент, он не доволен словом:

...мысли тяжелы,
Стократно исказившись в ложном слове не...

И он комкает исписанную словом бумагу, пишет снова. Он уже не смотрит в окно, он всё помнит. Помнит бегающих по ряби водомеров, помнит, как грустят догорающие звёзды. И он помнит предчувствие того, как она уйдёт. Он всё это помнит, он всё рассказал словами, но что-то осталось нерассказанным. Поэт подходит к столу, смотрит на белые листы бумаги, по которой пляшут тени разорванных занавесок. Он решает, что раз остаётся что-то во Вселенной, что не поддаётся его слову, нужно изменить Вселенную.

План созревает мгновенно. Поэт распахивает окно, забирается на подоконник, чувствует, как прохладным ветром Вселенная приветствует его. Где-то по далёкой лестнице стучат уходящие шаги (вот оно, предчувствие!), и поэт уже видит, как «жизнь бросается с восьмого этажа».

Отчаянно спокойный, поэт последний раз смотрит на Вселенную. И вдруг видит, что Вселенная тоже смотрит. Смотрит его глазами. И:

...слова —
Нелепые, бессильные потуги,
И только искажают миг родства
Вселенных, обнаруженных друг в друге...

А мы в соседней комнате уже понимаем, что теперь можно. Мы открываем книгу и попадаем во Вселенную поэта Даниила Соколова.

Виктор Коншаков

* * *

До тебя докричаться — порвать гортань,
Найти — планету перелопатить.
Ты — на буйных волнах в морских портах.
Ты — земной экватор в его объёме.
И солёный привкус далёких губ,
Смесь Нарзана и крови, огня и света.
Если я без тебя смогу,
Значит что-то не так с планетой,
И со мной не так, все из ряда вон:
Павший спартанец/дыра в заборе...
Иногда я слышу: над головой
Также бешено бьётся море.
Ты везде: от мёртвой листвы осенней
До поющих птиц и моторных рыков.
Я бродил по Рейну, Неве и Сене,
По заплеванной плоти рынков.
И тебя по кусочкам, как пазл склеил,
И ладонью этой, которой создал,
На тебя с обожаньем и преступленьем
Нежным яблочным цветом осыпал звезды...

* * *

Когда подступит прошлое... Теперь
Я от него не в силах откеститься.
Чужих, родных мелькающие лица —
Всё это лишь прелюдия к тебе.
Когда я был рождён, ты началась,
Как спутница, невидимая глазу,
Но с чистотой и твёрдостью алмаза
Вела меня сквозь праздничность и грязь.
Ты небо зажигала для меня.
Поверь мне, я запомнил эти зори!
(Хоть говорят сейчас как о позоре
О жалкой метафизике огня...).

Настанет день, мы встретимся, и ты
В обличье человеческого предстанешь —
Смешение прозрений и восстаний —
Я б и слепой узнал твои черты!
А этот день — что было до него?
Я тень в ещё не отжитом вчерашнем...
Я жду тебя. Мучительно и страшно —
Я имени не знаю твоего...

* * *

Город — узник в морозных оковах.
Не гремит эта цепь, не звенит.
И по наледи неба знакомой
Солнце брошено в прорубь — зенит.
Лёд сомкнулся. В озябнувшем храме
Нас лишили тепла навсегда.
Страшно, милая, стали мы сами
Из такого же хрупкого льда.
Помнишь горны? Все смолкло от страха,
В тишину крикунов упекли,
Опасаясь, что станет нам плахой,
Кем-то громко оброненный клич.
Нет, не станет он падать на тело,
Он на тонкость души обронён.
Кто нас, милая, хрупкими сделал
Там под крепкой ледовой бронёй?
Не сдавайся, недолго осталось,
Верю: в этой больной пустоте
Наши души, презревши усталость,
Улетят из растаявших тел...

* * *

Когда изменят тени и у нас
Исчезнет категория двулчья,
Я буду прикасаться к векам глаз,
Забыв своё бесплотное и птичье!
Я буду целовать тебя взахлёб,
Неумолимо, выверено, слепо...
Я буду целовать твой белый лоб –
Туманами подёрнутое небо.
Там крикнет зверь, раздень её, раздень,
Но голос – сыпь охотниковой дробы.
Я просто сбросил собственную тень,
И по миру иду змееподобен.
О, новых кож никто не отменял:
Ершалаим зажжёт огни Жeneвы!
О милая, послушавшись меня,
Ты повторишься
в каждом шаге Евы...

* * *

Промозглый день. Ржавеющий каркас
Осыпался, и лес стоит свободен.
И нагота, не скрытая от глаз,
Над опустевшим миром верховодит.

И празднует рождение земли,
Вдыхая запах сырости и гари,
Я направляюсь долгими шагами,
К другим лесам, темнеющим вдали.

И мир молчит. И слышно, как бегут:
В сосудах – кровь, в стволах – тугие смолы,
Как воздух заполняет альвеолы...

И слово собирается у губ...

* * *

Нахимовское озеро, вода
Твоя мне вспоминается, так что же,
Когда контракт мой с господом расторген,
Дорога, приводящая сюда
Единственна. Присесть на берегу,
Смотреть как вызывают водомерки
Слепую рябь, как долго солнце меркнет
На небе – там, и слышать, как бегут
Минуты в страшной давке. Разве я
Не рвался быть единственным и первым,
Не отличив морской холодной пены
От той, что ядом вызовет змея...

Но в чём бы правды ни было, я тут,
На берегу испещренном корнями.
Вода поёт как ласковая няня,
Тем проще погружаться в темноту!

* * *

Смеркается. С восьмого этажа
Всё кажется игрушечным, лишь темень
Везде одна. Невольно удержав
Медлительно сошедшие тени,

Я пристально смотрю, как там, внизу,
Где царствуют поребрики и гравий,
Горит фонарь, похожий на слезу
В холодной металлической оправе.

И расширяя перечень обид,
Я сжал твои чуть детские ладони
В сырой ночи, в которую знобит
От холода в чужом и страшном доме...

* * *

Из-под ног убегает земля,
И хватаюсь за край её острый:
«Просто ляг, успокойся и ляг
На холодный качнувшийся остров.
Горячо выдыхай в тишину,
Обжигай. Обжигайся и слушай:
Рядом Белое море отходит ко сну,
Окруженное сушей».
И проходят колонны в моей голове
Всех, кто близок до боли.
Я лежу на короткой промерзшей траве
В Белом море.

И в ночи до бессилья немой
Ты шагаешь по свету
И стремишься домой,
Только дома то, кажется, нету!

* * *

Не меня целуешь, но крест,
Не ко мне, к богу близка.
Полюбил, как в 4 утра полюбили Брест
Бешеным пульсом виска.
Знаю, выпущу из горячих рук,
Знаю, небо во мне меньше, чем небо над нами!
Но сейчас люби, но сейчас чаруй,
Родная...
И любовный шепот в молитвах потонет,
Я – патрон в обойме творца!
Только если услышишь, как кто-то стонет,
Не вспоминай моего лица...

* * *

Прошедший дождь оставил на стекле
Тяжёлую серебряную дрожь.
Я просыпаюсь с мыслью о тепле,
С предчувствием того, что ты уйдёшь,

В беспамятстве считая этажи,
От страшного волнения дрожа.
Мне, глупому, покажется, что жизнь
Бросается с восьмого этажа.

И хлопнет дверь, и дрогнет сонный мир,
Закрою я в неверии глаза:
Там будешь ты, такой, как сотни миль
И сотни лет смирения назад...

* * *

Манишь губами утончёнными:
В две линии идёт коралл,
Но шепчут трепетно о чём они,
Словно твердящие Коран?
Ты вся: блудница и послушница,
Кора и плачущий янтарь.
Легко ли двум святыням служится?
Все жертвы на один алтарь.
Я не виню тебя, я вправе ли
Хоть слово вымолвить, когда
Кораллы-губы нервы сплывили,
Закоротив как провода...

* * *

Послушайте – осенний лес шумит..
Я просыпаюсь: мир тенями болен,
Неверными, и каждая томит,
Уродлива для глаза, но обоям

В своей неприхотливости близка,
Как тёмная холодная изнанка
Пространства цвета мокрого песка.
Я ночь назад смеявшийся не знал как

Непросто пробуждаться в тишине,
Прислушиваться к стонущему лесу,
И наблюдать, как пляшут на стене
Разорванные тени занавесок...

* * *

Уйди. Оставь мне Финский залив.
Грязный сырой песок.
Оставь свинец, что залит
В пульсирующий висок.
Так вышло:
Ты – идол,
Я – ка-на-то-хо-дец.
Убью тебя! Но не смей поднимать тревогу.
Настанет ночь. И под солнцем, ампутированным по хорде,
Замерзающий Заратустра прижмётся к богу,
По-матерински тёплому богу...

* * *

Тревожный шторм принёс издалека
Солёный воздух Финского. Напрасно
Пытаюсь не заметить сквозняка
И шаткости смятённого пространства.

Я снова говорю, что бунт изжит,
Что это просто дождь дрожит на раме...
Но ветер как опричнина бежит
До края опустевшими дворами,

И будит что-то страшное во мне:
Не злобу, не отчаянье, не мщенье.
Мне чудится: я тоже на коне
С привязанной к сбруе главою щеньей...

* * *

Над серыми хребтами гаражей
Чужое солнце вывешено грубо.
Ты стала мне одним из миражей
Слепого дня, идущего на убыль.

Который день над северной страной
Безогненные призрачные зори.
Но если мир – представленное мной,
Не значит ли, что сам я иллюзорен?

И кто тогда над кем имеет власть?
Ничтожна боль, которая томила!
Ты – только отголосок, только часть
Мной только что придуманного мира...

* * *

Вселенная, небо на неё опрокинь!
Заплачет, закричит: Мама, страшно, мама!
Вот вы любите руки богинь,
А я в них вижу бесплотный античный мрамор.
Но её ладони живее всех.
Как такие небо удержат?
В жилах не кровь, в жилах — смех,
Духами смеха пропитана её одежда!
Вселенная, услышь. А я посмотрю,
Искрами солнца успею зардеться,
Как она, смеясь, поймает зарю —
Маленького новорожденного младенца.

* * *

В тихом мире золота и пыли
Вязкой синей кровью исхожу,
Присягнув не рогу изобилий,
А ножу, любимая, ножу...

Что же руки, созданные гладить,
Пробуют наощупь острière?
И дрожит над папертью тетради
Новое насилие моё...

Только так и можно, через муку,
Только так и можно, изменив...
Слово прорывается сквозь ругань
В пятнах незаконченной резни.

А потом под золотом умершим,
Белую рабыню излюбя,
Я себя почувствую всё меньше,
Всё сильнее почувствую тебя...

* * *

Тебе, я знаю, будет сниться
Рассветный Токио в пыли,
И солнце вывяжет на спицах
Дремотный порт и корабли.
Сон будет длиться, длиться, длиться.
Проснувшись, будет нелегко
Забуть обветренные лица
Японских смуглых моряков.
Ты выйдешь в день безбожно хмурый
С улыбкой гейши на губах.
Вдали фабричная труба
Как в небо брошенный окурок.
И смерть мечты у горла комом,
И всё, что было – только сон...
И ветер душит незнакомо
Рассвета огненной косой...

* * *

Я воду пью из быстрого ручья,
Ладони ледящей влагой полня.
Свободная, холодная, ничья
Становится моей под зноем полдня!

Вот так и ты, себе принадлежа,
Становишься моей в моменты жажды.
Любовью утолить извечный жар
Тебе еще придется, не однажды...

Но разве не поймёшь в сближенье тел,
Желанно опустив родные веки,
Что оба мы сойдемся в красоте,
Как зверь и бог в едином человеке?..

* * *

Только небо и дождь надо мной.
Я стою и смотрю невозможно больной,
Как стекает вода по кирпичной стене,
Как растёт пустота, начинаясь в окне.
(В этом старом окне самой горькой из драм
Лопнул в сдавленном крике вольфрам).
Я пойду под дождём, задыхаясь строкой:
«Невозможно писать, если в мире покой».
Невозможно писать, если в стуче колёс
Женский голос, и шёпот «Алло...»

Я имею слова, но собрать на листе...
Это боль, если сам состоишь из частей.
Дошепчу то, что есть, и уйду говоря,
Без царя над собой, в голове без царя...

* * *

Над миром умирало золото,
И становилось холодней.
Исколотая этим холодом,
Ты жалась как дитя ко мне.
Ещё не знала ты наивная,
Не скованная сединой:
Худыми, мерзнущими ивами
Ты будешь плакать надо мной.
А я по всем церквям души твоей
Пройду, ограблю донага,
Безжалостно святыни выдворю
И нищенкам швырну к ногам.
Люби меня, полна беспечности!
Но только взгляд вонзишь в лицо...
Заклучат руки человечности
В объятий душное кольцо.

* * *

Я сбрасываю тень. Она, легка,
Ложится в вечеряющие травы,
И жёлтая студёная река
Спокойно вызолачивает гравий.

Над миром ощущение новизны:
Безвременья материи, но духа
Искания, которые ясны,
Как голос понимаемый без слуха.

Так холодно, так чисто в вышине.
Я замер в ожидании сверхновой,
Не зная, что растёт она во мне –
Из низменного хаоса дневного.

* * *

Ты думала: я буду рыцарем,
Буду служить, колено перед тобой склонив?
Нет, я Иваном 4 выцарю
Убийство ребенка холстами твоих ланит.
Предстанешь тогда самозванкой-полячкой.
Детский смех перед лязгом забот нем...
Святого ждала? Я руки в любви запачкаю
И как благословение покажу стране!
Вздыбят коней своих чувства мои – опричники,
А после рассвет выплатит дань.
Я буду смеяться и смотреть, как на твоём личике
Прогорают богом подожженные города...

* * *

Алеет небо, воздух леденит
Бетонный остов будущего дома,
И время мерной поступью ведомо —
В металл и морок. Смейся Парменид!

Всё решено: ни лёгкость, ни тоска
Над этим спящим миром не довлеют.
Лишь жёлтый свет на каменных аллеях,
Лишь та же кровь у прежнего виска...

И старый спор покажется простым.
Струится кровь в небесные аорты.
Ты можешь быть живым, а можешь мёртвым —
От пустоты до новой пустоты...

* * *

Посмотрим, как пламя бумагу лижет,
Язык огня испитонив.
Ближе, милая! Ближе! Ближе!
Так к ногам юродивых припадают в притоне...
Не станет писем, слов, ничего не станет.
Две пары глаз в ночи немые...
Решетка звёзд нас встречает крестами
Большой любовной тюрьмы.
Слова сквозь губы выплевывать грубо:
Ночь не та и время не то!
Ближе, милая! Глаза... губы...
Так в притонах грешники припадают к святой...
Мой грех — тебе, твою добродетель — мне
Дарует день, и вернет голоса нам.
Слышишь, милая, тебе: любовнице, сестре, жене
Я вышептываю в тишину: Осанна?!

* * *

Принять тебя, как травы по утру –
И росы, и лучи, и первый холод.
Принять тебя и в час, когда умру,
И в час, когда безоблачен и молод.

Принять тебя, какой бы ни была,
Хоть губы исказишь животным криком,
Ты и тогда останешься мила –
Не будет безобразного в великом.

* * *

Я долго спал. Алели дали,
Сменялись боги и цари,
Но вы всё также жадно ждали
Как дети малые, зари!

Чернели северные ночи.
Вам снился сон, всё тот же сон,
Пока в руках чернорабочих
Шумел воскресший Вавилон.

И что? Мне тоже страшен бытик,
Но вы не вняли сквозь года,
Что цепь нагрывших событий
Вкруг вашей шеи обвита!

Зачем восторженные взоры?
Слепая пылкая любовь
Зарёй над палубой Авроры,
Зарёй оправдывала кровь!

Я просыпаюсь. Сердце немо.
Всё также юн, всё также глуп,
Чтоб ждать от северного неба
Огня и страсти женских губ.

Россия, воля... Поздно, поздно...
Как не понять, смотря в окно:
Твоё лицо зарёй морозной
Мучительно искажено...

* * *

Всё — длящаяся линия. Черты
Разрознены наличием излома.
Как странно признавать теперь, что ты —
Продолженный в пространство контур дома.

И я всего лишь след карандаша,
Продлившего красивый южный профиль.
Теперь твоими лёгкими дыша,
И чувствуя единство нашей крови,

Так ясно понимаю, что слова —
Нелепые, бессильные потуги,
И только искажают миг родства
Вселенных, обнаруженных друг в друге...

* * *

Я искал тебя, я искал
У каминных огней, между звёзд далёких,
Сумасшедшей пульсацией у виска,
Горным воздухом, тёкшим в лёгких.
Все дороги исхожены были мной,
А дожди в лицо уже узнавали.
Я искал тебя за невспаханной целиной,
И иголкой на сеновале.
Я ведь знал, что ты меня очень ждёшь
С лихорадочным жаром в груди,
Что стоишь у окна и глядишь на дождь:
«Приходи,
родименький,
Приходи!»
Даже ночью, когда темнота, хоть глаза коли,
Лишь луна скупая бросает свет,
Я тебя вымаливал у земли!
Знаешь, сколько молитве лет?..
И когда уже не осталось сил,
И слепило солнце и жгло глаза,
Кто-то нежно и ласково попросил:
«Оглянись назад!»

За спиною стояла ты...

* * *

Наступит день, окрасит в бледный свет
Холодное железо жёлтых кранов.
Нет прошлого и будущего нет,
Есть вечность, наступившая так рано.

Ведь знаю я: всё сказанное мной
Когда-нибудь меня увековечит
Не в безразличной памяти земной,
А в горькой, но прекрасной человеческой.

Я полон сил, и в том моя мечта,
Чтоб в вечности, которая мгновенна,
Как белый пар, клубящийся у рта,
Быть лёгким и живым одновременно...

* * *

Холодное падение дождя...
О если бы вот так же падал кто-то,
В стремленье к возрождению найдя
Волнующую суть круговорота!

А ночь тиха, весенний воздух свеж.
Весь город спит, и что мне до людского,
Когда я сам — и путник, и рубеж,
Когда я сам — и скован, и не скован!

Мир подступает с детской остротой,
И чувствую, от счастья цепенея,
Как в эту ночь и сам я стал водой:
Дождём, рекой и облаком над нею...

* * *

Ты возрастала штормом Зимнего,
Дрожа над площадью Дворцовой,
Где лошадь в яблоках озимых
Мою погибель выгарцовывала.

Мы всё, что можно, опорочили,
И тяжелея от мороза,
В твоих глазах в немую очередь
Как бабы выстроились слёзы...

* * *

В свеченье фар решётка на окне
На стену спроецирована точно.
Так несвобода движется ко мне,
И в том моя беспомощность, что ночью.

Я чувствую, как бьётся циферблат,
И стрелки возвращаются к истоку.
Всё старое прожить на старый лад!
Не время, нет, безвременье жестоко...
Холодный механизм неумолим.
Вот боль моя – как блудная подруга
Опять придёт под именем твоим.
Опять твоим... Не вырваться из круга...

* * *

Я читаю на тонком запястье
Тихий пульс новорожденных зорь.
Я люблю тебя, светлое счастье,
За открытый и ласковый взор!

Я люблю тебя в утреннем пенье,
О страстях забывая и зле...
За твоё неземное терпенье
На такой беспокойной Земле...

* * *

Я жду рассвета, лёжа на спине,
На свежей белой простыни, недвижно...
И небо, заключённое в окне,
Я в этот час люблю и ненавижу.

Прольётся свет в надрезанную даль,
Не вызовет ни отблеска, ни всплеска.
А кажется: прозрачная вода –
По стёклам, по лицу, по занавескам.

Заря, заря, студёная, и в ней
Старинный яд, что теплится незримо.
Я пью и пью, но жажда всё сильнее.
Я верю, что она неутолима...

* * *

Здесь живёт моя тень восемнадцатый год,
Всё бредёт по земле, что усеяна хвоей.
Здесь я честен и смел, беспринципен и горд –
Безнадёжный поэт и несбывшийся воин.

Можно тихо идти и ветвей не ломать,
Что лежат на земле; и не чувствовать сырость.
Где кончается лес, подступают дома,
Обнимают меня, точно блудного сына.

Ничего не вернуть, мой оборванный век,
Ни сгоревших лесов, ни дорог между ними.
То ли тень закричит, то ли сам человек,
И шершавые сосны обнимет...

* * *

Вечер пришёл бездомною псиною,
День словно кость изжевал.
Ты в трубки мембрану выкрикнуть силилась:
Я жива!
Но вышло скомкано, глухо вышло,
А слова всего два...
Так женщины, судьбой изорванные, шепчут всевышнему:
Жива...
Как будто маньяку, что изнасиловал,
Гвозди смеха в лицо вколочиваешь,
А сама: хрупкая и красивая
От боли свернулась калачиком.
Но разве обидел? Разве не роздал
Из рук обожжённых бутоны нег?!
Завяли ласки, и глаз звёзды
Бинты забот
Изорвали в снег...

* * *

Желанье обозначено: уснуть,
Обняв тебя в сгущающемся мраке
Нежней и безрассуднее, чем в браке –
Храня в себе последнюю весну.

Наивная попытка удержать,
Глупей, чем сохранение устоев
В том обществе, которое пустое,
И предано законам дележа.

Я чувствую так много, но одно
Останется во мне первостепенней,
Когда до звёзд поднимутся ступени,
Когда я разобью рукой окно...

Немое ощущение, что ты
Останешься навек во мне – невечном.
И память узаконит этот вечер,
Как торжество над царством темноты...

* * *

Мне снова лжёт о смертности огня
Над городом беснующийся ливень,
Но разве я не стану терпеливей,
В себе хотя бы искру сохраняя.

И каждый обещал не изменить,
Но где же мир, который был мне дорог?
И если жизнь — прообраз коридора,
То в лампочке вольфрамовая нить...

Но в общем-то не стоит оглашать
Подробностей блуждания наощупь.
Быть смыслом для других безмерно проще,
Чем просто оставаться без гроша.

И всё, что нам останется — огонь —
Затёртая метафора для крови.
Ты можешь спать с другим,
но я укрою,
Когда ты будешь спать совсем нагой...

* * *

Пусть холод обращает бег смолы
В застывшие следы сосновой крови,
Я — выбрал бег! Хоть мысли тяжелы,
Стократно исказившись в ложном слове.

Мне странен мир, который недвижим,
В котором всё извечно и знакомо.
Смотри, смотри всё сущее бежит!
Каким одним стремлением влекомо?

Морозным рабством скована сосна,
И пусть она мертва для человека.
Но ожил мир, когда я осознал,
Что сам я — цель для собственного бега.

* * *

Мой дом, вода твоим дворам —
Вторую ночь подряд
По древесине старых рам
(Друг в друга — взгляд).

Мой двор — всего лишь жёлтый сруб.
Дожди растут
В нагую горечь женских губ,
Любивших тут.

Порочный рост — три этажа,
Всего лишь три!
Одно желанье — убежать,
Но мир — внутри...

Она продаст свой алый рот,
И я возьму,
Как жёлтый дом, чей чёрный ход
Ведёт к Нему...

* * *

Посвящается В. В. Маяковскому.

Леди, оставьте, леди...
Бросьте сигаретою под каблук.
Я больше не буду выкручивать нервы меди,
Вымаливать звук.
Мне ваших клятв не надо,
Я же вижу больно вам как
Слушать истеричную канонаду
Сердце надрывающего звонка!
Я вашу жизнь оглушаю в шуме,
Вытоптав пальцами клавиши любовных пианин.
Ведь правда, лучше б исчез, умер,
И вы одни...
Пойдете к другому, любить, ласкать его,
Но с кожи не смоете моего тепла!
Бегите, бегите покуда не истекла
Страсть во мне — страсть искателя.
Отброшу ребячества шуточный азарт,
До десяти едва сосчитав.
Волками рыщут мои глаза,
В них все мое богатство и нищета.
Оставьте, леди, иначе — хуже,
Пусть все как есть, я снесу.
Моя любовь — океан, и в ней нефтяные лужи
Пошlostей, ссор, камасутр.
А может довольно гореть и жечь?
Изваляю сердце в инее как в муке.
Сигарета издержается в сотнях ножей,
Затаившихся в твоём каблуке.

И да, безрадостным буддой выстыв,
Блудным сыном от тебя идя,
Опустошенный, стану на ты с тобой
И поцелую как отец целует дитя...

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие. <i>Наталья Каш.</i>	3
Даниил Соколов. <i>Виктор Коншаков</i>	4
«До тебя докричаться — порвать гортань...»	
«Когда подступит прошлое... Теперь...»	6
«Город — узник в морозных оковах...»	7
«Когда изменят тени и у нас...»	
«Промозглый день. Ржавеющий каркас...»	8
«Нахимовское озеро, вода...»	
«Смеркается. С восьмого этажа...»	9
«Из-под ног убегает земля...»	
«Не меня целуешь, но крест...»	10
«Прошедший дождь оставил на стекле...»	
«Манишь губами утончёнными...»	11
«Послушайте — осенний лес шумит...»	
«Уйди. Оставь мне Финский залив...»	12
«Тревожный шторм принёс издалека...»	
«Над серыми хребтами гаражей...»	13
«Вселенная, небо на неё опрокинь...»	
«В тихом мире золота и пыли...»	14
«Тебе, я знаю, будет сниться...»	
«Я воду пью из быстрого ручья...»	15
«Только небо и дождь надо мной...»	
«Над миром умирало золото...»	16
«Я сбрасываю тень. Она, легка...»	
«Ты думала: я буду рыцарем...»	17
«Алеет небо, воздух леденит...»	
«Посмотрим, как пламя бумагу лижет...»	18
«Принять тебя, как травы по утру...»	
«Я долго спал. Алели дали...»	19
«Всё — дрящящая линия. Черты...»	
«Я искал тебя, я искал...»	20
«Наступит день, окрасит в бледный свет...»	
«Холодное падение дождя...»	21
«Ты возрастала штурмом Зимнего...»	
«В свеченье фар решётка на окне...»	
«Я читаю на тонком запястье...»	22
«Я жду рассвета, лёжа на спине...»	
«Здесь живёт моя тень восемнадцатый год...»	23
«Вечер пришёл бездомною псиною...»	
«Желанье обозначено: уснуть...»	24
«Мне снова лжёт о смертности огня...»	
«Пусть холод обращает бег смолы...»	25
«Мой дом, вода твоим дворам...»	26
«Леди, оставьте, леди...»	27